

Бернард Гизен. Триумф и травма

GIESEN B. TRIUMPH AND TRAUMA. BOULDER: PARADIGM PUBLISHERS, 2004. 208 P. ISBN 9781594510397

*Дарья Хлевнюк**

Аннотация. Рецензируемая книга — работа одного из крупнейших представителей культурсоциологии, посвящена анализу культурной травмы в Германии. Автор показывает, как национальная идентичность в постнацистской Германии формируется вокруг фигуры преступника. В то же время комплекс вины, связанный с Холокостом, распространяется за пределы Германии, а Холокост становится иконическим выражением зла.

Ключевые слова. Культурсоциология, социология памяти, исследования Холокоста.

Последнее время все больше исследователей как за рубежом, так и в России занимаются изучением коллективной памяти¹. Это понятие введено в научный оборот начале XX века французским социологом М. Хальбваксом. Возрождение интереса к этой теме произошло благодаря работе французского историка П. Нора и его коллег, посвященной исследованиям истории Франции², в частности, таких сфер памяти (*lieux de memoire*³), как Марсельеза, 14 июля, Пантеон. Концепция коллективной памяти позволила говорить о множественности «историй», о различии нарративов, о прошлом в разных сообществах и на разных этапах истории, об идеологизации и политике обращения к прошлому (т. е. о чем говорить не принято, а о чем принято; где расставляются акценты в обращении к тому или иному историческому периоду). И, конечно, в таких случаях, в особенности когда речь идет об идеологизации про-

* **Хлевнюк Дарья Олеговна** — стажер-исследователь Центра фундаментальной социологии ГУ-ВШЭ. Email: d.khlevnjuk@gmail.com

© Хлевнюк Д., 2010

© Центр фундаментальной социологии, 2010

¹ Об этом свидетельствуют появление журнала «Memory Studies» (первый номер вышел в мае 2008 г.), выход двух номеров журнала «Отечественные записки», посвященных проблемам социальной памяти (№ 4 и № 5 за 2008 г.), и книги Савельевой и Полетаева [4]. Наиболее полный обзор значимых работ по проблематике коллективной памяти можно найти в [10]. Из обзоров последнего времени стоит отметить также [8].

² П. Нора совместно с коллегами с 1984 по 1992 гг. выпустили 7 томов сборника «Les lieux de memoire». На русский язык были переведены основные тексты и выпущены под названием «Франция-память» [2].

³ Как верно указывает В. Мильчина, привычный перевод термина *lieux de memoire* как «место памяти» не может считаться удачным, поскольку большинство «мест», представленных в сборнике, — не точки в пространстве, а скорее «эмблемы, сгустки национальной мифологии» [2, с. 116]. Впрочем, и предложенный ею вариант — «памятные места», как нам кажется, не вполне снимает проблему. Мы предлагаем менее благозвучный, но более верный по смыслу термин «сферы памяти».

шлого или знания о прошлом, «неизбежны (и во многом оправданны) моральные оценки, такие собирательные и понятные сегодня каждому интеллектуалу метафоры, как „травма“, „вина“ и т. д.» [4, с. 54].

Один из наиболее популярных сюжетов в этой области — Холокост и послевоенная Германия⁴. Появилось отдельное направление исследований Холокоста (Holocaust studies), в рамках которого особую ценность представляют культурсоциологические изыскания. Применяя основные принципы культурсоциологии, авторы выстраивают новые объяснительные схемы, позволяющие детально разбирать коллективную память о Шоа и политику памяти в Германии. В работе Б. Гизена «Триумф и травма» предлагается плодотворная модель, представляющая собой прекрасный образец культурсоциологического подхода к изучению коллективной памяти.

Главный вопрос, которым задается Гизен: как конструируется коллективная идентичность в послевоенной Германии? Национальная идентичность формируется под влиянием не только современного для индивида сообщества, но и под влиянием предшествующих поколений. Политика памяти, которая может работать либо на забвение, либо на постоянную актуализацию каких-либо событий, помогает нации сконструировать коллективную идентичность. Так, идентичность в послевоенной Германии формируется в тесной связи с изменением отношения к событиям в Германии 1930–1940-х годов как к наиболее заметным и травматичным событиям в истории нации. Иными словами, коллективная идентичность нации может быть описана через те связанные с памятью практики, которые преобладают в данном сообществе. Авторы большинства книг, посвященных памяти о Холокосте, занимаются, по мнению Гизена, изучением коллективной травмы жертв Холокоста и нацизма. Он же предлагает говорить не только о коллективной травме жертв, но и о коллективной травме противоположной стороны — преступников (perpetrators).

Но жертвы и преступники — не единственные фигуры, которые следует изучать, при анализе коллективной памяти. Общая стратегия заключается в том, чтобы ввести четыре ключевые фигуры, формирующиеся в сообществах. Они появляются в зависимости от того, какие события включаются в коллективную память сообщества, присутствуют в публичном дискурсе, в ритуалах сообщества, становясь тем самым предметом анализа. Гизен представляет эти фигуры как матрицу, составленную на пересечении двух параметров.

Первая переменная связана с тем, кем является человек в большей степени — субъектом или объектом. Автор обращается к классической философской проблеме соотношения субъекта и объекта, прослеживая это противопоставление от Декарта и Канта до Деррида. Самих себя, пишет Гизен, мы определяем как субъекты, однако то, что у нас есть тела, делает нас подверженными влияниям внешней среды, т. е. в некоторой степени объектами. Каждый человек оказывается и субъектом, и объектом, причем соотношение этих характеристик изменчиво. В пределе возможны как абсолютный объект, так и абсолютный субъект — эта дихотомия становится первой переменной для схемы четырех фигур в работе Гизена. Вторая переменная связана со

⁴ Статей и книг по этой тематике достаточно много, вот лишь некоторые из них: [6; 9; 10; 13; 7; 12].

способностью преодолевать препятствия, с которыми человек сталкивается из-за несовершенства мира. Он либо их преодолевает, либо — нет.

На пересечении двух параметров возникают четыре основные фигуры, с помощью которых автор проводит свой анализ: победитель (*triumphant hero*), побежденный герой (*tragic hero*), жертва (*victim*) и преступник (*perpetrator*). Появление этих фигур возможно лишь внутри сообщества. Представления о героях и жертвах, их символические репрезентации в культуре сообществ выходят за рамки повседневного мира, это сущности мира сакрального (р. 6). Благодаря символическим репрезентациям этих ключевых фигур сообщество определяет себя. Так, для немцев важной в формировании национальной идентичности становится фигура преступника. Откуда и почему появляется эта фигура? Чтобы ответить на этот вопрос, Гизен, следуя описанной теоретической логике, рассматривает все четыре фигуры, особенности их появления и влияния на сообщества.

Формирование ключевых фигур происходит благодаря событиям, которые воспринимаются как триумфальные или травматические. Что такое триумф и травма? Автор обращает внимание читателя на то, что у каждого человека есть предельные события его существования: рождение и смерть. Представление об этих событиях человек может почерпнуть, лишь увидев рождение или смерть других людей. Но хотя эти предельные точки чрезвычайно далеки от повседневного опыта, иногда происходят события, которые позволяют пережить нечто схожее со смертью или с рождением. В такие моменты, когда внешние силы врываются в мир повседневности, напоминая о нашей смертности, они запоминаются как травматические. Мы возвращаемся к ним во сне, говорим о них. Именно такие воспоминания называют «травмой». В свою очередь, бедствия, которые нам удается преодолеть, мы воспринимаем как моменты триумфа: они напоминают нам о рождении. Заметим, что и в том и в другом случае можно говорить лишь о памяти об этих событиях. В актуальный момент переживания человек не осознает смысл этого опыта, он может обозначить события как травму или триумф лишь на расстоянии (р. 8). Триумф и травма позволяют понять способы формирования четырех ключевых фигур в сообществе.

Победитель (*triumphant hero*) преодолевает бедствия, остается субъектом и управляет миром. Примерами могут служить Наполеон, король Артур. Побежденный герой (*tragic hero*) также остается субъектом, но он, в отличие от победителя, действует в неблагоприятной обстановке, и ему не удается преодолеть бедствия мира. Неудача бывшего героя становится травмой для того сообщества, в котором его образ был сконструирован. Так, убийство Николая II и кровавая гражданская война воспринимаются эмигрантами как травматические события и сохраняются в таком виде в их памяти.

Жертва (*victim*) не только противостоит бедствиям, но и перестает быть субъектом в этой борьбе, т. е. превращается в объект. Хрестоматийные примеры преследований и появления «жертв» — рабство афроамериканцев и коренного населения Африки, а также геноцид еврейского населения Европы (р. 55).

Сложнее обстоит дело с преступниками (*perpetrator*). Преступники относятся к другим людям как к объектам, делают их жертвами. Но такое отношение вредит их собственному статусу субъекта. Существование субъекта, пишет Гизен, возможно

лишь в том случае, если сообщество субъектов признают кого-либо субъектом. Здесь автор отсылает к работе Тейлора об источнике идентичности [11], в которой он разрабатывает диалектику раба и господина в работах Гегеля [1]. Преступники, в отличие от героев, не воспринимаются окружающими как субъекты, наделенные сакральностью: победитель воодушевляет весь мир, поражение побежденного героя подтверждает в глазах сообщества его статус субъекта. В то же время преступник, который относится к окружающим как к вещам, а не как к субъектам, именно по этой причине рассматривается членами сообщества как фигура, потерявшая статус субъекта. При этом члены сообщества могут быть как теми, кто пытался остановить преступление, так и наблюдателями, которые не вмешивались в ход событий (р. 7).

Именно фигура преступника и его травматической памяти кажется Гизену основой для нового определения национальной идентичности жителей Германии после 1945 года. Он разделяет память действительных преступников, т. е. людей, живших в то время и участвовавших в событиях Холокоста, и память сторонних наблюдателей. Первые обычно умалчивают о травматических воспоминаниях. Вторые же находятся в промежуточном положении: они не совершали ничего преступного, но, с другой стороны, их бездействие преступно (р. 110). Кроме тех людей, кто пережил события, которые позже запомнились как травма, существуют также их наследники, последующие поколения. Несмотря на то, что они не принимали непосредственного участия в событиях и не были их свидетелями, травма сохраняется и у них, поскольку их идентичность строится внутри данного сообщества. И то, каким образом они справляются с ней, формирует их идентичность.

Решая свою основную задачу, автор размышляет относительно других явлений. Довольно много внимания он уделяет концепции харизмы и ее меняющейся роли в современном дискурсе. Интересны также идеи о трансформации сакрального. Так, Гизен отмечает, что ранее было принято приписывать характеристику героя конкретным людям. Их тексты или речи оставались как их голоса. Места, в которых происходили важные события в их жизни, становились сакральными. Например, места рождения героев обладают особой ценностью для сообщества, в котором эти герои формируются. В современном мире, считает Гизен, героев заменяют безымянные жертвы, у которых нет ни лица, ни голоса, ни места. Вместо памятников конкретным личностям сооружаются мемориалы неизвестному солдату. Но фигуры безымянных жертв становятся в современном мире не просто более значимыми. Им начинают приписывать характеристики героев. Так, о жертвах 11 сентября часто говорят как о героях, хотя они и не являются героями в полном смысле: они не выбрали свою судьбу, их трудно назвать необычными людьми (р. 42).

В заключение стоит остановиться на тех принципиальных положениях в работе, которые и делают ее важной для дальнейших исследований памяти. Автор утверждает, что память конституирует идентичность, она является стабильной основой солидарности в современной неустойчивой ситуации. Обращение к коллективной памяти ведет к вопросу: как же ее, собственно, следует изучать? Как мы зафиксируем, чем она является и что она означает? Гизен предлагает сильный ход деления на травматические и триумфальные воспоминания. Далее коллективная память рассматривается через ее репрезентанты: ритуалы, политику, конкретные места, образы. Каждая

из таких репрезентаций тянет за собой другие явления, другие проблемы. Попытка разграничить область своего интереса и область связанных с ним явлений автору не всегда удается, что ведет к некоторой нечеткости структуры повествования. То, что он периодически сбивается с общей линии исследования на обсуждение более общих вопросов, связано, во-первых, с тем, что выбранная логика анализа сама по себе ставит достаточно много дополнительных вопросов (например, если память формируется в публичной сфере, то какова она, публичная сфера, однородна ли она во всех обществах, менялась ли с течением времени и т. д.), а во-вторых, с тем, что структура анализа в целом недостаточно проработана.

Нечеткость концептуальной схемы легко объяснима. К сожалению, Гизен рассматривал свою работу как преимущественно эмпирическую, обращая внимание прежде всего на конкретную фактологическую информацию и ее интерпретации. Концептуальную часть он проговаривал вскользь намеренно, полагая, что для читателя она будет неинтересна. Тем же, кто не заинтересован в чтении «абстрактных метатеоретических обоснований» (р. 2), автор предлагает пропустить и эту часть книги.

Означает ли это, что попытка изучать коллективную память через ритуалы, репрезентации, введение дополнительных категорий (сакрального-профанного, триумфального-травматического) неудачна? Скорее, напротив. Данную книгу можно считать первым, пробным шагом в направлении такой концептуализации коллективной памяти. Гизену удастся показать механизм формирования послевоенной национальной идентичности в Германии. Травма как предельная категория коллективного опыта становится ключевым пунктом в коллективной памяти немцев. Память о Холокосте категоризируется как вина. Немецкая нация осознает этот коллективный опыт как опыт преступников, причем не только тех, кто принимал непосредственное участие в событиях, но и тех, кто был лишь немым свидетелем. Особенно важна коллективная память наследников: они не связаны с травматическими событиями непосредственно, но ощущение общности с нацией в целом, а значит, и с теми, кто жил раньше и был участником или свидетелем Холокоста, также определяет их национальную идентичность как травматическую. Автор рассматривает, как формируется дискурс о Холокосте, как Холокост становится не просто историческим явлением, а своего рода мифом, «иконой зла» (р. 141), как рефлексия о Холокосте распространяется за пределы Германии. Концептуализации автора, построенные на различении сакрального и профанного, травматического и триумфального, позволяют выстроить модель, которая описывает современную политику памяти в Германии, не привлекая внешних объяснений (экономических или связанных с властными отношениями). Такая концептуализация дает возможность исследовать коллективную память не как вторичный продукт, зависимый от внешних факторов, но как явление, включенное в культуру, в том числе и политическую, и тем самым требующее собственной логики исследования.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Шпета. М.: Наука, 2006.

2. Мильчина В. Места и сайты // Отечественные записки. 2008. № 4. С. 116–120.
3. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память / пер. с фр. Д. Р. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.
4. Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.
6. Alexander J. C. Remembering the Holocaust: A Debate. Oxford: Oxford University Press, 2009.
7. Alexander J. C. On the Social Construction of Moral Universals: The «Holocaust» from Mass Murder to Trauma Drama // European Journal of Social Theory. 2002. Vol. 5. № 1. P. 5–86.
8. Jedlowski P. Memory and Sociology: Themes and Issues // Time & Society. 2001. Vol. 10. № 1. P. 29–44.
9. Lipstadt D. Denying the Holocaust: The Growing Assault on Truth and Memory. New York: Free Press, 1993.
10. Olick J., Levy D. Collective Memory and Cultural Constraint: Holocaust Myth and Rationality in German Politics // American Sociological Review. 1997. Vol. 62. № 6. P. 921–936.
11. Taylor Ch. The Politics of Recognition // Taylor C. Multiculturalism and «The Politics of Recognition». Princeton: Princeton University Press, 1992. P. 25–73.
12. Young J. Writing and Rewriting the Holocaust: Narrative and the Consequences of Interpretation. Bloomington: Indiana University Press, 1988.
13. Zelizer B. Remembering to Forget: Holocaust Memory Through the Camera's Eye. Chicago: University of Chicago Press, 2000.